К 255.

2007042030

А 158
255

ОБЗОРЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНЪ НА РУСИ.

Описаніе измѣненій въ быту крестьянства, какъ главной составной части Русскаго *народа* и главной рабочей силы въ *государствѣ* имѣетъ несомнѣнно важное значеніе въ исторіи Россіи и доселѣ страны по преимуществу земледѣльческой. Это исторія того слоя населенія, на негласномъ, но упорномъ трудѣ котораго основано могущество государственное и которымъ поддерживается государственный механизмъ. Тѣмъ не менѣе и доселѣ этотъ отдѣлъ исторіи остается мало обработаннымъ, вызывая въ то-же время, при бѣдности источниковъ, поразительно разнорѣчивыя сужденія по нѣкоторымъ вопросамъ, напр., по вопросу о крестьянской общинѣ. Наканунѣ всероссійскаго праздника 19 февраля попробуемъ прослѣдить въ сжатомъ очеркѣ важнѣйшіе моменты изъ исторіи крестьянства на Руси. Тутъ найдется кое-что въ поученіе и нашему времени...

I.

Не касаясь временъ стародавнихъ, обозрѣніе исторіи крестьянъ, какъ отдѣльнаго класса общества, основываясь на актахъ, можно начать съ XI—XII вв. временъ «Русской Правды», когда въ обществѣ успѣли уже обозначиться различные классы съ разными правами и отно-

шеніями къ князю. — Слова: *крестьяне* — тогда еще небыло, оно въ 1-й разъ встрѣчается лишь въ актахъ XIV в. Крестьяне—пашенные люди извѣстны были тогда подъ другими названіями.

Всѣ свободные люди низшаго и самаго многочисленнаго слоя населенія (людины), состоявшіе подъ данью княжеской, носили одно общее названіе — *смердовъ*, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и «Р. Правда» и современныя ей лѣтописи. Смерды въ памятникахъ являются въ связи съ рольей или пашней и слѣд. были *земледѣльцами*. Они платили князю штрафъ за преступленія и слѣд. были людьми *свободными*. — Какъ видно по актамъ, они нигдѣ не останавливались по долгу, но безпрестанно кочевали съ мѣста на мѣсто, отыскивая большихъ льготъ, лучшей земли. Мало и дорожившіе землей при своемъ кочеваньи, они чужды понятію о личной земельной собственности. Они бродили *по чужой* землѣ а не по своей. Земля—принадлежность князя. Такою является она послѣ временъ родоваго быта. Какъ и повсюду, между нашими родичами не было понятія о личной собственности, въ частности земельной. Земля — общее достояніе рода. Понятіе о собственности во всѣхъ обществахъ понятіе позднѣйшее—оно является въ ту пору, когда на смѣну кровнаго родства выступаетъ фиктивное и начинаетъ обнаруживаться раздѣленіе между фамиліями родовыми и рабскими. У насъ этого не было. Родство не переходило за предѣлы кровнаго. Княжеская власть этотъ родъ разрушила; юридическія основы родоваго быта были поколеблены; всѣ родичи, забывшіе родовую связь, увидѣли себя сидящими не на своей, но на *чьей-то* землѣ. Главою всего былъ князь. Его принадлежностью и явилась земля—такъ явились на Руси своего рода *безземельные земледѣльцы*—

смерды, тѣмъ же признакомъ отличающіеся и въ Московской Руси. Смердъ ходилъ такимъ образомъ не по своей, а по княжой землѣ, какъ и самъ былъ подданный князя, податной княжой человѣкъ, наслѣдство котораго иногда даже переходило къ князю.. Понятіе смерда (по древнимъ памятникамъ) всегда возбуждало въ то время понятіе о принадлежности какому-нибудь князю: «чьи еста стерда» спрашиваетъ Янъ Вышатичъ случайно попавшихся ему и дотолѣ неизвѣстныхъ преступниковъ—волхвовъ.

На смердахъ преимущественно лежали общественныя повинности и подати, матеріальныя потребности общества; высшія-же должности, управленіе и защита края падали на долю княжеской *дружины.* Пользуясь землею князя, смерды платили князю дань, которую онъ собиралъ посредствомъ *полюдій*—это были объѣзды. княземъ своихъ владѣній для сбора дани, а равно для производства суда и расправы—за что сбиралась пошлина (слѣды этого обычая встрѣчаются еще и въ XIII в.). Дань и судъ—это были двѣ самыя главныя доходныя статьи князя. Послѣдній обращалъ вниманіе на преступленія прежде всего какъ на источникъ доходовъ; но при порядкахъ тогдашней жизни часто трудно было отыскать преступника, тѣмъ болѣе, что напр., пеня за убійство—80 гр. и не подъ силу была простолюдину-убійцѣ; онъ могъ и убѣжать. *Вервь* или (сколько можно судить по «Р. Правдѣ»)—сельская община выступившая на смѣну родовой общины и обязана была круговой порукой. За тѣло неизвѣстно кѣмъ убитаго, найденнаго на землѣ верви, платилась обыкновенно *дикая* (общая) вира. Та-же община, если хотѣла, расправлялась сама съ воромъ, заплативъ князу виру, — остатокъ родоваго самоуправленія.—«Р Правда» повсюду, говоря о верви, опредѣляетъ

порядокъ уплаты виры. Отсюда понятенъ характеръ общины:—она держалась на круговой порукѣ. Можно думать, что такая община съ круговой порукой, служившая главнымъ образомъ интересамъ князя, если не создана была, то *укрѣплена* княжеской администраціей для лучшаго взысканія виры на основаніи круговаго ручательства. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, эта вервь превращается въ *земскую общину* съ подобной же круговой порукой.

Что касается юридическаго положенія смерда, то оно было не изъ почетныхъ. Въ Кіевскомъ обществѣ мы видимъ громадное неравенство, напр. въ опредѣленіи виры и головничества для разнаго сорта лицъ входившихъ въ составъ его: экономическая и юридическая цѣнность смерда, между прочимъ, равна почти стоимости холопа. Многочисленны были также случаи, когда смердъ переходилъ въ рабство, какъ и вообще свобода человѣческая тогда мало цѣнилась. Общество кіевское носило вообще нѣсколько аристократическій характеръ. Въ немъ господствуетъ классъ называемый въ «Р. Правдѣ» княжими мужами. Это былъ классъ военный, составлявшій конницу, почему *за коня* наказаніе строже, чѣмъ за убійство простаго смерда.

Не по одному впрочемъ тарифу жизней отличались смерды отъ высшихъ господствующихъ классовъ; встрѣчается неравенство иного рода и опять не въ пользу смерда. Отъ безземельныхъ смердовъ высшіе классы отличались еще правомъ частной личной собственности. Бояринъ—полный хозяинъ своей собственности, какъ видно изъ постановленій «Р. Правды» о наслѣдствѣ, тогда какъ, напримѣръ, имущество безсыновнаго смерда переходило къ князю. Обращая вниманіе на тогдашній экономическій

бытъ, мы поймемъ, какими условіями была создана эта личная собственность боярина, какой не видимъ у смерда, и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснимъ себѣ происхожденіе нѣкоторыхъ явленій въ жизни тогдашняго русскаго общества отразившихся въ быту смерда и его общественномъ положеніи. Основнымъ ходячимъ капиталомъ въ тогдашнемъ хозяйствѣ были *рабы*, разсѣянные тогда во множествѣ повсюду; на нихъ держалось все въ хозяйствѣ, такъ какъ обработка земли съ помощію смердовъ, при тогдашнихъ порядкахъ, допускавшихъ уходъ свободныхъ смердовъ съ чужой земли, была неудобна. Отсюда основнымъ типомъ хозяина XI—XII вв. является домовладыка—рабовладѣлецъ-господарь (имя, преобразовавшееся впослѣдствіи въ слово: государь). Онъ селилъ на пустой землѣ (которой тогда было громадное количество при малочисленности населенія) *своихъ* челядинцевъ и естественно сталъ ее считать чрезъ это *своею* землею.

Такъ произошла боярская *вотчина*, земельная собственность рабовладѣльца дружинника, пріобрѣтавшаго рабовъ главнымъ образомъ путемъ войны. Цѣнность раба, какъ главной экономической силы и основнаго элемента землевладѣнія, создавала среди высшихъ классовъ неуклонную заботу о пріобрѣтеніи возможно большаго количества рабовъ, стремленіе всевозможными средствами *работить* людей даже и свободныхъ.

Рабовладѣльческіе инстинкты высшихъ классовъ населенія приднѣпровской Руси отразились на судьбѣ свободнаго смерда. Послѣдній по необходимости шелъ даже, такъ сказать, на встрѣчу имъ. Бѣдность, вслѣдствіе неурожаевъ при суровомъ климатѣ и несовершенствѣ обработки земли, неимѣніе средствъ для обзаведенія хозяйствомъ, безпомощное часто положеніе въ ту эпоху буйства

и междоусобій, заставляли его искать помощи и защиты у богатыхъ и сильныхъ дружинниковъ. Послѣдніе, разумѣется, пользовались случаемъ, давали бѣдняку - смерду *куны* на обзаведеніе, ссужали его рабочимъ скотомъ и пр. и не даромъ. По тогдашнимъ законамъ о долгѣ—это ставило его въ личную зависимость отъ кредитора — такъ какъ иного обезпеченія въ уплатѣ долга бѣднякъ-смердъ не могъ и дать. За долгъ онъ платилъ работой на землѣ господина (закупъ ролейный — были еще работавшіе въ дому господина — неролейные). Такъ явились *наймиты* или закупы — полусвободное состояніе, нѣчто среднее между свободнымъ смердомъ и холопомъ, что-то въ родѣ временнаго, неполнаго рабства. Во времена «Р. Правды» наймитство является уже въ сильномъ развитіи: въ «Р. Правдѣ» находится о закупахъ шесть статей; изъ нихъ и можно составить себѣ понятіе объ обязанностяхъ и положеніи закупа въ то время.

При гражданской неполноправности должникъ-закупъ все-таки отличался отъ раба. Послѣдній не могъ быть свидѣтелемъ въ судѣ,—показанія закупа допускались хотя только «по нужѣ» и притомъ «въ малѣ тяжбѣ».—Господинъ могъ бить закупа, но только за вину, въ противномъ случаѣ, онъ долженъ былъ платить ему за оскорбленіе наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ. Отличаясь такимъ образомъ отъ холопа, онъ все-таки очевидно стоялъ близко къ нему, а нерѣдко даже и превращался въ холопа обѣльнаго (полнаго), хозяинъ «роботилъ» его обыкновенно въ случаѣ бѣгства его безъ уплаты долга или совершенія преступленія; въ послѣднемъ случаѣ хозяинъ платилъ за него и виру князю. Рабо-владѣльческіе стремленія бояръ находили себѣ удовлетвореніе и помимо этихъ случаевъ. Бывало не разъ даже, что хозяева роботили

закуповъ и помимо законныхъ къ тому поводовъ. При неудовлетворительности тогдашняго судопроизводства подобные случаи, разумѣется, часто сходили съ рукъ господину, развѣ уже закупъ спасался бѣгствомъ или уходилъ съ жалобой къ князю. Вообще положеніе наймита было, очевидно, очень стѣснено при личной зависимости отъ хозяина по долгу. Законныя ограниченія и наказанія за лишеніе его свободы, не смотря на ихъ относительную строгость, были слишкомъ для того недостаточны. Закономъ не опредѣлялось ни время, которое онъ долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни проценты долга, а такая неопредѣленность всегда уже обращается въ пользу сильнаго. Законъ впрочемъ говоритъ: «идетъ-ли закупъ искати кунъ (денегъ) для уплаты долга и явлено ходитъ; про то не роботити его, а дати ему правду». Здѣсь можетъ быть имѣется въ виду обычай въ родѣ не разъ бывавшаго въ XV—XVI вв., когда должникъ-крестьянинъ переходилъ къ новому землевладѣльцу, ссудой его уплативъ долги старому и мѣняя такимъ образомъ только одну зависимость на другую, болѣе тяжелую.

Гражданская неполноправность и зависимость закупа не мѣшала ему однако имѣть собственность. Ролейный закупъ получалъ иногда отъ хозяина за работу участокъ земли въ пользованіе, который и обработывался хозяйскимъ же рабочимъ скотомъ и орудіями (съ условіемъ платы за порчу того и другаго). Это обстоятельство, быть можетъ, и служило также одной изъ причинъ развитія наймитства, своего рода приманкой, въ которой видѣлъ онъ возможность выпутаться со временемъ изъ тяжелыхъ обстоятельствъ, поставившихъ его въ зависимое состояніе должника. Заботы рабовладѣльца и нужды смерда сош-

лись такимъ образомъ; въ результатѣ сочетанія такихъ разнообразныхъ интересовъ и явилось наймитство съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивавшееся.

Не ошибемся, кажется, если скажемъ, что значеніе закупа для рабовладѣльца и состояло прежде всего въ томъ, что это состояніе было ступенью къ холопству. Поземельныя владѣнія дружинника вообще составляли только придатокъ къ содержанію, которое получалъ онъ отъ князя, и придатокъ очевидно весьма непрочный при постоянныхъ передвиженіяхъ дружины вслѣдъ за князьями, блуждавшими тогда по всей землѣ русской подобно кометамъ, при чемъ дружина, съ приходомъ новаго князя на покинутое мѣсто, часто лишалась своихъ владѣній. Высшимъ классамъ важна была поэтому не земля, а ея обитатели; плохіе хозяева, они эксплуатировали не землю, но населеніе ея. Они стремились работить свободныхъ людей, чтобы потомъ въ качествѣ рабовъ всюду возить ихъ съ собою при переселеніяхъ. Наймитство чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе должно было поэтому развиваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшаться и положеніе смердовъ, особенно съ обособленіемъ княжествъ, которое началось къ концу кіевскаго періода. Это обособленіе княжествъ вело къ осѣдлости князей и вмѣстѣ съ тѣмъ къ ограниченію правъ свободнаго перехода смердовъ.

Но рядъ другаго рода напастей, обрушившихся на голову смерда, мало по малу измѣнилъ готовившуюся ему судьбу, положеніе его ухудшилось, но „изъ худшаго, по древней пословицѣ, выросло лучшее“—смердъ бѣжалъ на сѣверъ, гдѣ и вздохнулъ свободнѣе.

II.

Постоянныя усобицы князей истощали русскую землю; сосѣдство со степью не давало установиться никакому порядку на Руси. При тогдашнемъ способѣ войны и неожиданныхъ набѣгахъ кочевниковъ хуже всего приходилось пашенному человѣку. Ему доставалось вдвое—и при нападеніи враговъ на Русскую землю, и при походѣ въ чужую, по необходимости отрывавшемъ его отъ ольи (какъ видно изъ словъ Владиміра Мономаха на замѣчанія дружины Святослава). Не дивно, что Приднѣпровье пустѣло, что населеніе его потянулось въ мѣста болѣе безопасныя—къ сѣверо-востоку. Нашествіе татаръ въ XIII в. довершило начатое—кіевское общество распалось. Масса народо-населенія и преимущественно смердовъ передвинулась въ суздальскій край. Туземцы—финны изчезли постепенно въ этомъ потокѣ колонизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ суздальскомъ краѣ явился рѣшительный перевѣсъ смердьяго населенія надъ остальными классами, преобладаніе крестьянства. На послѣднее теперь и должны были опереться главнымъ образомъ князья. Они смотрѣли теперь изъ рукъ народа какъ послѣ народъ смотрѣлъ уже изъ ихъ рукъ. Это и понятно. Такъ какъ торговля въ новозаселенномъ краѣ была слаба, точную финансовую систему дани и пошлинъ, при страшной бродячести населенія, установить было трудно, то заботы князя должны были прежде всего обратиться на доходы сельско-хозяйственные. Ис-

точники рабства—распри и войны благодаря татарамъ должны были уменьшаться; хозяйство не могло уже основываться по прежнему на рабѣ, но главнымъ образомъ на бродячемъ смердѣ. Князь долженъ былъ теперь одолжать его, устроять въ хозяйственномъ отношеніи, приманивать всякаго рода льготами, чтобы удержать на своей землѣ т. е. производить тѣже операціи, къ какимъ прибѣгали, какъ увидимъ, землевладѣльцы-вотчинники XV в. Князья хозяева по необходимости сдѣлались теперь осѣдлыми, у нихъ является понятіе о княжествѣ какъ личной собственности, чего въ кіевской Руси не было. Все это отразилось соотвѣтствующими измѣненіями въ быту смердовъ, хотя и не вдругъ и не скоро.

Правда, какъ и въ кіевской Руси, у смерда видимъ ту же непобѣдимую наклонность къ передвиженіямъ. Какъ и тамъ ему чуждо понятіе о личной земельной собственности. Гдѣ бы онъ ни жилъ, и сколько бы ни жилъ, онъ помнитъ, что земля не составляетъ его собственности, не куплена имъ, не пожалована ему за службу какъ дружиннику, а дана ему только въ пользованіе.—Но далѣе сходство кіевскаго и суздальскаго или лучше московскаго смерда прекращается. Онъ по прежнему „садится“ иногда на землѣ владѣльческой съ извѣстнаго рода обязанностями по отношенію къ землевладѣльцу, но *побѣгъ* съ земли послѣдняго уже не превращаетъ его по прежнему въ холопи—онъ остается свободнымъ, смердъ пріобрѣтаетъ теперь прежде всего такъ сказать *привиллегію необращенія въ холопи* въ извѣстныхъ случаяхъ, и то шагъ впередъ! Актовъ мало сохранилось отъ того времени (XIII—XIV в.), но видно уже, что вообще положеніе смерда улучшилось. Ролейный закупъ исчезаетъ теперь, превращается въ вольнаго крестьянина со всѣми правами свободнаго человѣка.

Впрочемъ для поступленія въ холопи и теперь была торная дорога—явилась бы лишь охота у смерда. Стремленіе работить людей ничуть не менѣе прежняго, хотя и меньше уже представлялось случаевъ къ его удовлетворенію. Смерду мало было нужды идти въ холопи или становиться въ личную зависимость къ кому бы то ни было. Въ немъ болѣе чѣмъ прежде нуждались теперь князья—вотчинники при заселеніи обширныхъ своихъ княжествъ. Землевладѣльцы-дружинники вмѣстѣ съ княземъ становясь осѣдлыми и пріобрѣтая вмѣстѣ съ тѣмъ важное земское первенствующее значеніе, также заботятся съ помощію князей объ увеличеніи народонаселенія своихъ вотчинъ, даютъ льготы пришлымъ людямъ. Можно думать поэтому, что прибылому кіевскому смерду не совсѣмъ теперь плохо жилось. Если даже и не совсѣмъ точно были опредѣлены его юридическія права, во всякомъ случаѣ ему жилось лучше, чѣмъ въ послѣдствіи, когда развивающаяся власть государственная полнѣе и тверже опредѣливъ эти права въ тоже время стѣсняетъ его во многихъ отношеніяхъ и когда землевладѣльцы мало по малу прибираютъ смерда къ рукамъ.

Крестьянинъ теперь и долго еще въ послѣдующее время является вольнымъ арендаторомъ—съемщикомъ земли у собственниковъ. Не нравится ему въ одномъ княжествѣ онъ идетъ въ другое—вездѣ его принимаютъ съ радостію, онъ свободно ищетъ новаго лучшаго мѣста, болѣе выгодныхъ условій для себя и переселяется въ болѣе мирный и спокойный край. Лѣса выжигаются, готовится богатая почва, но поселенецъ-кочевникъ недолго на ней остается, чуть трудъ станетъ тяжелѣе, онъ идетъ искать новаго мѣста, ибо вездѣ просторъ, вездѣ готовы принять его. Самыя льготы, быть можетъ, побуждали отчасти къ переходамъ. По лѣтопи-

сямъ мы видимъ, какъ одни княжества пустѣютъ, а другія населяются и не инымъ конечно способомъ какъ переходами. Особенно много приливало смердовъ въ благоустроенное княжество московское, что слѣдуетъ считать одною изъ главныхъ причинъ его возвышенія и ослабленія сосѣднихъ. Умѣнье московскихъ князей устроить свое крестьянское княжество, рядомъ съ благопріятными географическими условіями, влекло сюда поселенцевъ, особенно когда съ развитіемъ понятія о княжествѣ, какъ личной наслѣдственной собственности, началось сильное дробленіе княжествъ, а рядомъ съ тѣмъ бѣдность князей и утѣсненіе ими удѣльнаго населенія.

Отъ такой „расходчивости“, стремленія уходить при первомъ неудобствѣ у смердовъ развиваются привычки, отъ которыхъ онъ долго не можетъ отрѣшиться и которые послужили ему во зло впослѣдствіи,—полуосѣдлость, отсутствіе привязанности къ одному мѣсту, исканіе легкаго труда рядомъ съ безрасчетливостію.—Какъ и всегда бѣдный, смердъ по крайней мѣрѣ нагуливается теперь, пока правительственная власть въ предупрежденіе разнаго рода обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для нея, не усадила его мало по малу на одномъ мѣстѣ.

III.

Съ подробностями быта крестьянъ Московской Руси въ XIV в. мы встрѣтимся еще при описаніи крестьянской жизни въ XV — XVI в. въ объединенной подъ властію московскаго князя Руси; въ общемъ и тогда встрѣчается мало измѣненій; если они и происходятъ, то, какъ уви-

димъ, главнымъ образомъ къ концу слѣдующей эпохи. А теперь остановимся нѣсколько на исторіи крестьянъ въ вольныхъ городскихъ общинахъ Сѣв. Руси—(Новгородъ, Псковъ и Вятка). Здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя особенности въ жизни крестьянъ. Прежде всего среди *сельянъ* (общее названіе земледѣльческаго населенія Новгорода), нужно отмѣтить такъ называемыхъ *земцевъ* — разрядъ лицъ, подобнаго которому не видимъ въ Московской Руси, и который могъ образоваться только при особенностяхъ жизни вольныхъ общинъ, находившихся почти внѣ вліянія князей. Земцы или своеземцы владѣли мелкими крестьянскими участками на вотчинномъ правѣ (на правѣ полной *собственности*). Кромѣ ихъ значительная часть смердовъ жила обыкновенно на чужихъ земляхъ: одни снимали земли у частныхъ собственниковъ, бояръ, монастырей и т. п., другіе обитали на общественныхъ земляхъ. Это были *свободные* люди, имѣвшіе право по условію жить на чужихъ земляхъ, оставлять ихъ, и переходить къ другимъ землевладѣльцамъ, что впрочемъ не мѣшало сильнымъ и свободнымъ лицамъ, какъ видно изъ всей исторіи вольныхъ городскихъ общинъ, очень часто притѣснять ихъ. Не вездѣ даже свобода лица и свобода отхода остаются неприкосновенными. Въ Новгородѣ по крайней мѣрѣ можетъ быть вслѣдствіе большей осѣдлости народонаселенія являются и болѣе зависимыя отношенія крестьянъ отъ господъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. относительно права быть свидѣтелемъ на судѣ, при выдачѣ бѣглыхъ) крестьянинъ сравнивается съ холопами. Что-же касается Пскова, то какъ видно изъ псковской судной грамоты—тамъ этой зависимости не было; крестьяне сохраняли полную свободу и считались вольными съемщиками земли, жившими на ней безсрочно, сколько пожи-

вется. Ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ ограничивались иногда платой денегъ, чаще уступкой въ ихъ пользу части натуральныхъ произведеній, смотря по условіямъ времени и мѣстности (половники, третники, четники). Между нимъ псковская грамота различаетъ изорниковъ (земледѣльцевъ) огородниковъ, котечниковъ (рыбаковъ отъ слова коцетъ). Многіе изъ нихъ брали покруту (пособіе, ссуду) съ обязанностію возвратить ее „по отрѣку ли (отказу — производившемуся обыкновенно „о филиповѣ заговейнѣ“) государеву уйдетъ или самъ отречется“ все равно. При отказѣ крестьянина платить покруту, господинъ долженъ былъ представить свидѣтелей иначе его искъ не имѣлъ силы. Въ случаѣ бѣгства, господинъ вознаграждалъ себя изъ имущества бѣглеца, но опять не иначе какъ при свидѣтеляхъ - понятыхъ, остальное „доправлялъ“ на бѣглеца, по его возвращеніи, не имѣя при этомъ права обращать его въ холопи. Какъ свободный человѣкъ, изорникъ имѣлъ и полное право иска на хозяина. Все это доказываетъ значительное развитіе юридическихъ правъ крестьянина въ описываемую эпоху.

Смерды, жившіе на земляхъ правительствующаго города, платили обыкновенно дань въ пользу князя (въ подспорье къ другимъ источникамъ его содержанія) и города, а также исполняли для послѣдняго разныя натуральныя повинности. Эта двойная обязанность поддерживая существованіе не только князя, но и старѣйшаго города, какъ кажется, не мало тяготила всѣхъ вообще смердовъ (какъ это показываетъ сбавка даней княземъ Михаиломъ въ 1223 г. и сказаніе о подлогѣ смердьей грамоты, которою опредѣлялись обязанности смердовъ).

При отправленіи повинностей каждый смердъ тянулъ въ свой погостъ. Туда же сходились жители селъ и де-

ревень для разсужденій о своихъ дѣлахъ. Какъ люди свободные, сельняне управлялись своего рода *вѣчами*, на которыя выбирали они себѣ старостъ, распоряжались сборомъ и раскладкой податей и повинностей, обсуждали свои нужды и пр. На погостѣ объявлялъ господинъ (въ закличи) о пропажѣ покруты на крестьянина. Здѣсь же вызывалъ отвѣтчика-крестьянина „позовникъ“ отъ суда.

Холопей въ Новгородѣ было также много, какъ и въ остальной Руси (*одерноватые* люди—тоже, что обѣльные прежде). Смерды часто добровольно переходили въ рабство или дѣлались *закладниками*—поступали во временное порабощеніе за занятыя деньги: это служило вмѣсто росту. Все это указываетъ на несовсѣмъ благопріятное экономическое положеніе смерда въ новгородскихъ земляхъ.

Въ XV в. вольныя общины падаютъ между прочимъ и отъ внутренняго соціальнаго разложенія, обусловливавшагося тѣмъ, что руководящіе классы общества одни пользовались благами вольности, сильно притѣсняя остальныя. Борьба классовъ имущихъ съ неимущими въ связи со всѣмъ экономическимъ бытомъ вольной общины и системой ихъ управленія и погубила ихъ почти одновременно. Съ паденіемъ Новгорода исчезаетъ и классъ *земцевъ*. Въ Московскомъ государствѣ такихъ собственниковъ нигдѣ не видно, и конечно эта особенность новгородской жизни не могла уже удерживаться. Въ новгородской писцовой книгѣ XVI ст. въ 23 погостахъ насчитывается 48 дворовъ „земецкихъ“ пустующихъ и ни одного жилаго. Можетъ быть такому явленію способствовала тяжесть податей и повинностей, возложенныхъ на нихъ.

IV.

Вмѣстѣ съ паденіемъ вольныхъ общинъ исчезаетъ и другой рядъ независимыхъ областей Русской земли—княжества удѣльныя. Всѣ они постепенно входятъ въ составъ В. Княжества Московскаго. Здѣсь начинаютъ мало по-малу развиваться понятія государственныя. Это все не замедлило отразиться на судьбѣ крестьянства. Бо́льшая прежняго сложность внутренняго управленія между прочимъ повліяла на установленіе (хотя и недолговременное) большей степени самоуправленія для крестьянскихъ общинъ. Съ другой стороны съ умноженіемъ служилаго военнаго класса, прикрѣпленнаго теперь къ одному мѣсту службой и поземельными отношеніями, развивается болѣе сложная финансовая система для его содержанія. Увеличиваются налоги и вмѣстѣ съ тѣмъ вводится новый порядокъ землевладѣнія, значительно повліявшій на экономическій бытъ крестьянина. Богатое теперь землею правительство начинаетъ раздавать ее служилымъ людямъ въ пожизненное владѣніе какъ награду за службу и вмѣстѣ какъ средство для нея. Является такъ называемая *помѣстная система* владѣнія. Въ тоже время правительство начинаетъ противодѣйствовать бродячести крестьянъ, которая во многомъ препятствовала ему, а равно и служилымъ людямъ въ отправленіи своихъ обязанностей. Обстоятельства неизбѣжно привели къ *поземельному прикрѣпленію* крестьянъ вслѣдствіе бѣдности начавшихъ массами переходить въ подневольное зависимое состояніе отъ землевладѣльцевъ, обязывавшихъ ихъ ссудой.

Сравнительно съ кіевскимъ періодомъ въ жизни крестьянъ и вообще сельскаго населенія произошли въ XIV—XV и особенно въ XVI вѣкѣ значительныя измѣненія. Сельское населеніе кіевской Руси, какъ мы уже видѣли, состояло изъ свободныхъ смердовъ, полусвободныхъ наймитовъ и несвободныхъ холопей. Послѣднихъ и теперь было много и они остались по прежнему движимымъ имуществомъ. Стремленіе работить людей было по прежнему сильно, и по прежнему, хотя и не въ прежнемъ количествѣ, видимъ мы кромѣ холопей, состоявшихъ на личной дворцовой службѣ у князей и владѣльцевъ, еще и рабовъ, обработывавшихъ землю. У князей и бояръ были цѣлыя села и деревни, гдѣ находились у нихъ холопи для хозяйства. Изъ нихъ, занимавшіеся ремеслами назывались дѣловыми людьми. Другіе пахали на своего господина, получивъ отъ него скотъ и деньги; они назывались *страдниками* (страда) это были крѣпостные люди, лично зависимые отъ господина. Кромѣ ихъ были еще *кабальные* люди, поступавшіе во временное услуженіе. Обыкновенно кабала состояла въ наймѣ на работу, соединенномъ съ ссудой, т. е. въ заборѣ впередъ той платы, которую долженъ былъ крестьянинъ получить отъ господина.

Вообще же сельское населеніе состояло изъ свободныхъ землепашцевъ—крестьянъ, между которыми только какъ исключеніе сажались холопи. Всѣ они пользуются одинаковымъ правомъ свободнаго перехода безъ различія земель, на которыхъ живутъ и условій, на которыхъ обработываютъ землю. Они не прикрѣплены ни къ какой землѣ и ни къ какому княжетву. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ духовенству, монастырямъ и частнымъ лицамъ

встрѣчаются выраженія: „кто перезоветъ къ себѣ жить“. „А бояромъ... и христіаномъ межъ насъ вольнымъ воля“ говорили князья въ своихъ договорахъ. — Если при поселеніи на землѣ частнаго владѣльца крестьянинъ бралъ у него ссуду (серебро—отсюда серебренники), чтобъ обзавестись или расплатиться съ прежнимъ землевладѣльцемъ, это не лишало его права уйти и отъ новаго владѣльца только съ обязательствомъ выплатить долгъ въ 2 года (безъ процентовъ).

Судебники не только подтверждаютъ права крестьянскаго выхода, но всѣми мѣрами стараются обезпечить за крестьянами возможность его. Господинъ не могъ удержать крестьянина на своей землѣ далѣе положеннаго срока подъ предлогомъ какихъ-нибудь обязательствъ, кромѣ поземельныхъ—пожилаго и повоза. Плату за это судебники ставятъ въ соотвѣтствіе съ срокомъ отказа и опредѣляютъ точно размѣры ея. Вообще они даютъ болѣе юридической опредѣленности свободѣ крестьянъ. Законодательство ставитъ преграды тому распространенію холопства, какое видѣли мы на Руси въ прежнее время. Это и понятно, потому что лишеніе крестьянина свободы лишало казну плательщика: холопъ не платилъ податей и не несъ повинностей; свои интересы казна строго соблюдаетъ—судебники строго слѣдятъ, чтобъ при переходѣ крестьянина съ мѣста на мѣсто, или даже при продажѣ въ холопи не пропадали казенныя подати.

Во времена господства „Р. Правды“, заемъ часто велъ къ прикрѣпленію человѣка, такъ какъ должникъ обезпечивалъ долгъ своей свободой и служилъ господину „до искупа“. Теперь должникъ „живетъ о себѣ“, а на деньги законъ опредѣляетъ „ростъ давати“. Побѣгъ безъ уплаты займа не превращалъ его уже въ холопа. Это мы видѣли въ

Псковской судной грамотѣ, тоже видимъ и въ Судебникѣ. Ролейный закупъ исчезъ, превратился въ крестьянина вольнаго. И тѣ постановленія, какія имѣли мѣсто по отношенію къ полусвободному закупу, потеряли теперь свою силу. Крестьянинъ и при судебномъ искѣ на него оставался свободнымъ и не лишался права переходить къ другому землевладѣльцу (впрочемъ за порукой „откащика“). Не видно также подобныхъ прежнимъ ограниченій въ правѣ свидѣтельства на судѣ и въ правѣ наслѣдства. Землевладѣльцы не подвергаютъ теперь тѣлесному наказанію ослушниковъ, какъ это было во времена „Р. Правды“, но облагаютъ иногда только штрафомъ.— Вообще крестьянинъ разсматривается какъ совершенно свободный человѣкъ, хотя и принадлежащій къ низшему классу общества вслѣдствіе чего „за безчестіе“ ему полагается только 1 рубль (наравнѣ съ боярскими людьми).

Въ юридическомъ положеніи крестьянина произошла такимъ образомъ значительная перемѣна къ лучшему. Улучшилось ли вообще его положеніе особенно въ XV—XVI в. это можно видѣть сопоставивъ его положеніе по закону съ его экономическимъ положеніемъ и его отношеніемъ къ князю и землевладѣльцу.

V.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что и въ XV—XVI в. какъ и въ прежнее время на всемъ пространствѣ Московскаго государства не видно крестьянъ собственниковъ *). Всегда они живутъ на чу-

*) Проф. Бѣляевъ въ своей кн. «Крестьяне на Руси» усиленно старается доказать противное, дѣлая неправильное заключеніе отъ фактической наслѣдственности и свободнаго распоряженія крестьянъ своими землями къ юридическому праву ихъ на то и часто видитъ своеземцевъ тамъ, гдѣ самые акты указываютъ на противное.

жой землѣ — или на частной землевладѣльческой или на землѣ черной, т. е. государственной, гдѣ хозяиномъ былъ князь. Въ послѣднемъ случаѣ при поселеніи на новомъ, никому не принадлежащемъ мѣстѣ, компанія крестьянъ обыкновенно испрашивала разрѣшенія у князя. Новые поселенцы, селясь на землѣ владѣльческой или княжей— уже заселенной, общинной, заключали обыкновенно договоръ (порядную запись) съ землевладѣльцемъ или сельской общиной, получали во владѣніе извѣстное количество земли, соразмѣрно съ которымъ и несли тягло или повинность въ пользу землевладѣльца.

Величина участка на общинныхъ земляхъ опредѣлялась не общимъ надѣломъ, а свободнымъ договоромъ, предложеніемъ и требованіемъ, при чемъ новый поселенецъ обыкновенно выговаривалъ себѣ льготу отъ оброковъ и повинностей на извѣстное время. Льготное время давалось ему на обзаведеніе хозяйствомъ и кромѣ того, это былъ способъ переманить его съ чужой земли.

Кромѣ льготы на владѣльческихъ земляхъ поселенецъ получалъ и подмогу или ссуду на обзаведеніе. Иногда давался хлѣбъ на прокормъ и обсѣмененіе—„на сѣмена—сѣмена“ или пустой участокъ, съ котораго крестьянинъ не платилъ ничего и который долженъ былъ возвратить по истеченіи льготнаго времени. Иногда давались деньги— полтина, рубль, два и даже до 10 р. При этомъ крестьянинъ обязывался „за ростъ пахати“—отбывать барщину. При уходѣ съ земли до истеченія льготнаго срока крестьянинъ обязывался возвратить подможныя деньги, а иногда заплатить денежную „неустойку“ общинѣ за пользованіе „хоромами“ и землею въ льготные годы. Землевладѣльцы иногда для лучшаго обезпеченія въ данномъ случаѣ сво-

ихъ интересовъ требовали, чтобы крестьянинъ представлялъ за себя поручителей. Участки земли, на которые селились крестьяне, въ одиночку или компаніей, въ различныхъ мѣстахъ были различны. Тогда существовали на Руси различныя поземельныя мѣры—*обжи*, *выти* и т. д. При значительной величинѣ ихъ крестьянинъ рѣдко бралъ себѣ цѣлую „обжу“ или „выть“—обыкновенно только часть ихъ. Участокъ свой снималъ онъ большею частію на неопредѣленное время. Въ порядныхъ рѣдко упоминается срокъ найма, да и не было въ томъ надобности: крестьянинъ сидѣлъ на землѣ пока ему жилось, или пока онъ исправно исполнялъ свои обязанности. Землевладѣльцу же разумѣется было выгоднѣе, чтобъ крестьянинъ дольше сидѣлъ на его землѣ. Поэтому въ ту эпоху всеобщаго кочеванія нерѣдко можно было встрѣтить и старожильцевъ, отцы и дѣды которыхъ жили на одной и той же землѣ. Отсюда во многихъ мѣстахъ даже на земляхъ частныхъ владѣльцевъ арендуемое иногда переходитъ по наслѣдству, хотя частные владѣльцы и не могли, понятно, предоставить своимъ арендаторамъ такого распоряженія своей землей, какое могли они имѣть на „черной“ землѣ, гдѣ владѣльцемъ былъ князь. Землевладѣльцы заботились и постановляли въ своихъ договорахъ, чтобъ крестьяне никакою „хитростію“ не „освоивали“ и не отчуждали арендуемыхъ земель; тѣмъ не менѣе въ монастырскихъ имѣніяхъ дозволялось иногда крестьянамъ „межъ себя дворы и землями мѣнять, доложа прикащика“. Для черныхъ же земель и этихъ ограниченій не полагалось. Крестьяне распоряжаются тамъ землею, какъ своею собственностію. Препятствовать тому для князя понятно не было никакой надобности. Главная забота его состояла въ томъ, чтобы поселенецъ тянулъ ему *тягло*, а кто владѣлъ землей и

на какихъ правахъ она переходила изъ рукъ въ руки до этого ему не было дѣла. Это болѣе могло интересовать общину, какъ обязанную круговой порукой платить за всю землю подати, но она мало имѣла власти надъ своими членами. Послѣдніе часто продавали свои участки и не спросясь ея.

При всемъ этомъ крестьяне чужды мысли о земельной личной собственности. Они сами, по видимому, не допускаютъ и возможности того, выражаясь иногда очень ясно, что земля не принадлежитъ имъ. „То господине, земля Божія, да Великаго Государя, а роспаши и ржи наши“ говорили они, считая такимъ образомъ своею собственностію только трудъ и посѣвъ. Часто, какъ видно по актамъ, это отношеніе выражали и въ болѣе ясной формулѣ: ступился есмь земли великаго князя, и своего владѣнья“ различая такимъ образомъ поземельную собственность отъ поземельнаго владѣнія.

Порядокъ владѣнія былъ различенъ. На черныхъ государственныхъ земляхъ и у крупныхъ землевладѣльцевъ, монастырей. на церковныхъ земляхъ, составлявшихъ собственно принадлежность не лицъ, а *учрежденій*, преобладаетъ *общинное* владѣнье землею. Въ немъ этого рода владѣльцы видѣли обезпеченіе своихъ доходовъ, не входя въ близкое соприкосновеніе съ отдѣльными поселенцами и предоставляя крестьянамъ самимъ развѣдываться между собою. Въ монастырскихъ имѣніяхъ, хотя и не вездѣ, управляли впрочемъ и прикащики.

Участіе общинъ въ поземельномъ владѣніи прежде всего проявлялось въ раздачѣ запустѣлыхъ или пустопорожнихъ участковъ (заранѣе уже опредѣленныхъ въ извѣстномъ размѣрѣ и въ такомъ видѣ переходившихъ изъ рукъ въ руки) вновь приходящимъ крестьянамъ. Затѣмъ

она завѣдывала раскладкой и сборомъ нѣкоторыхъ податей и отправленіемъ повинностей въ пользу князя, потому что подати и повинности въ то время налагались не на отдѣльныя лица, а на цѣлыя волости въ совокупности и потомъ уже общинными начальниками старостами и сотскими распредѣлялись по участкамъ, соразмѣрно съ поземельнымъ владѣніемъ, иногда даже „по животамъ и промысламъ“ владѣльца каждаго участка. Иначе тогда не могло и быть при недостаткѣ финансовыхъ и правительственныхъ средствъ и при безпрерывномъ кочеваніи народонаселенія.

Вѣдомство общины или ея выборныхъ людей — сотскихъ и старостъ и заключалось главнымъ образомъ „въ проторяхъ и разметяхъ“. Остальное же управленіе, которое, впрочемъ, все ограничивалось судопроизводствомъ, находилось въ рукахъ людей совершенно посторонних— намѣстниковъ и волостелей (гдѣ это не было привиллегіей владѣльца) получавшихъ судопроизводство въ *кормленіе*. Ихъ „вѣдовству“ подлежали даже чисто общинныя дѣла напр. порча межи. Общины обязаны были ставить судьямъ кормъ и поборы, да уплачивать виру за убійство, если убійцы не было на лицо— обычай сохранившійся отъ времени „Р. Правды“. Участіе общины въ судѣ въ первое время ограничивалось лишь постановкой понятыхъ или свидѣтелей судопроизводства. И только въ концѣ XV в. московскіе государи, которые стремились къ ограниченію произвола намѣстниковъ и волостелей, запретили послѣднимъ судить *безъ дворскаго старосты* и *лучшихъ людей*. Въ XVI в. кормовыя права намѣстниковъ были уже сильно ограничены. Не только судебная, но и полицейская власть изъяты были уже изъ ихъ вѣдѣнія. Послѣдняя передана была новымъ органамъ суда или выборнымъ общины или

особымъ чинамъ, выбиравшимся всѣмъ уѣздомъ (губной судъ). Не долго однако же удержалась эта самостоятельность общинъ, не вездѣ притомъ существовавшая. Въ XVI же и XVII столѣтіи она переходитъ въ „руки государевыхъ слугъ“. Тогда дѣлается почти повсемѣстною воеводская власть.

Такимъ образомъ значеніе крестьянской общины было преимущественно финансовое или вѣрнѣе—хозяйственное, ибо подати и повинности уплачивались князю въ качествѣ землевладѣльца. Хозяйственная цѣль одна и поддерживала единство общины. Примѣръ нѣкоторыхъ монастырей указываетъ, что и здѣсь также видѣли въ общинѣ и круговой поруки лучшее обезпеченіе своихъ доходовъ и поддерживали ее. „А кой крестьянинъ пожжетъ овинъ безхитрости съ монастырскимъ хлѣбомъ... и овинъ ставити волостью... а кой крестьянинъ выйдетъ за волость, дворъ огноивши, и тотъ дворъ ставити тѣхъ селъ крестьянамъ... дабы *берегли другъ друга*, дабы дворъ не огноенъ былъ“. Землю, оставшуюся послѣ ухода крестьянина, на монастырскихъ имѣніяхъ „пахалъ тѣхъ селъ крестьянинъ и вносилъ за нее всѣ подати съ уговоромъ—„а игумену въ ту выть не вступатися“. Въ раскладку податей ни правительство, ни землевладѣлецъ обыкновенно не вмѣшивались, исключая развѣ случаевъ неповиновенія тяглеца сборщику или раскладчику повинностей или путаницы при раскладкѣ разнообразныхъ податей. До составленія новыхъ писцовыхъ книгъ или до жалобы общины на тяжести налоговъ, вслѣдствіе бѣгства тяглецовъ, правительство обыкновенно не знало ни прибыли ни убыли членовъ въ общинѣ и получало подати сполна по прежнему расчету.

Въ этомъ и заключалась самая связь, соединявшая общину въ одно цѣлое; для означенія принадлежности

отдѣльныхъ участковъ или деревень къ селу употреблялось выраженіе, что деревни *тянутъ* къ селу, точно также какъ села и волости *тянули* къ городу судомъ и данью, ибо судъ былъ также доходной статьей, которая составляла часть тягла. Поэтому наконецъ и самая черная земля называлась *тяглою*. Тягло, которое община тянула въ пользу землевладѣльцевъ и связывало ее главнымъ образомъ въ одно цѣлое.

Отвѣтственность за внесеніе податей составляла для общины весьма тяжелую обязанность, это дѣлало ее юридическимъ лицомъ, а власти надъ своими членами она почти никакой неимѣла, если не считать *отказа*, установленія, въ силу котораго община (или землевладѣлецъ) могли не отпускать отъ себя крестьянина—*тяглеца*, если за нимъ въ установленный обычаемъ и впослѣдствіи законный срокъ не явятся откащики съ новаго мѣста на которое онъ переселяется съ пошлинами за пожилое и съ письменнымъ или словеснымъ объявленіемъ о переходѣ крестьянина.—Это противорѣчіе между юридической отвѣтственностью общины съ властью ея надъ своими членами и землею разрѣшилось наконецъ укрѣпленіемъ *тяглыхъ* людей, вслѣдствіе котораго общины получили надъ своими членами власть, необходимую для того, чтобы общая отвѣтственность могла быть дѣйствительною, они могли тогда возвращать своихъ старыхъ бѣглыхъ *тяглецовъ* безданно и безпошлинно.

Чтобы уяснить себя значеніе этого права, пріобрѣтеннаго общиной, а равно и самый характеръ общинной жизни, нужно обратить вниманіе на *составъ* общины.

VI.

Сельская община на каждой землѣ состояла изъ крестьянскихъ домовъ (хозяйства) называвшихся *тяглыми*. Каждый изъ нихъ представлялъ собою извѣстное количество пахатной земли, обработываемой обыкновенно не однимъ лицомъ. За каждымъ *домохозяиномъ*, который и былъ собственно тяглымъ членомъ общины, скрывалось нѣсколько рабочихъ рукъ. То были его братья, племянники, вообще родственники, пріемыши и приходящіе работники, называвшіеся захребетниками, подсусѣдниками. Они знали не общину, но того, за кѣмъ жили, и онъ уже отвѣчалъ за ними предъ общиной и государствомъ или владѣльцемъ. Эти лица, не получившія отъ общины никакой доли земли, работавшіе на другаго или за другимъ и составили особый классъ вольныхъ *гулящихъ* людей; ихъ переходъ независимо отъ ихъ отношеній къ домохозяину не стѣснялся ничѣмъ, они могли переходить куда угодно.—Отъ домохозяевъ, сидѣвшихъ на полномъ тяглѣ и скрывавшихъ за собою цѣлое общество отличались работавшіе *въ одиночку*—*бобыли*,—классъ людей, особенно размножившійся кажется въ XVII вѣкѣ. Участки ихъ были вообще меньше и потому они состояли на половинномъ и вообще меньшемъ тяглѣ.

Таковы были порядки общинной жизни и отношеній ея членовъ между собою.—На земляхъ частныхъ, особенно мелкихъ владѣльцевъ, господствовало *одиночное* владѣнье т. е. каждый крестьянинъ бралъ у землевладѣльца отдѣльный участокъ и опредѣлялъ съ подробностями въ дого-

ворѣ повинности и оброки, которые онъ долженъ былъ нести въ пользу землевладѣльца. Отъ послѣдняго онъ получалъ обыкновенно дворъ и извѣстную долю земли за что платили ему или произведеніями воздѣлываемой земли или своей работой. Контрактъ крестьянина съ землевладѣльцемъ и условіями относительно пользованія земли былъ совершенно личнымъ дѣломъ договаривавшихся сторонъ. Какъ и вездѣ крестьянинъ оставался хозяиномъ даннаго ему участка пока не оставлялъ его самъ, или землевладѣлецъ не сгонялъ его, приглашая на его мѣсто другаго.

Если крестьянинъ при переходѣ на новое мѣсто селился на пустомъ, а не на жиломъ участкѣ, онъ обязывался ставить новую избу съ пристройками, иногда довольно многочисленными, что было и не трудно при обиліи лѣса. Но кажется, въ большинствѣ случаевъ, при постоянныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, крестьянинъ не особенно заботился о сооруженіи многихъ „хоромъ“, хозяйство его вообще было немудрое: поставитъ онъ обычную „3-хъ саженей“ избу „да противъ клѣть да 2 хлѣва, да межъ хлѣвовъ 2 пристѣна“ и довольно. Относительно земли крестьянинъ обязывался распахать ее, иногда навозить и *огородить*. Послѣднее указываетъ на хозяйство совершенно другого рода чѣмъ въ настоящее время. Разселеніе крестьянъ, гдѣ бы они ни жили, не было похоже на нынѣшнее. Пахатные участки въ массѣ необработанной и покрытой лѣсомъ и болотами земли были своего рода оазисами. Каждый жилъ на особомъ участкѣ и огораживался отъ другихъ. Община селилась разсѣянно и общинной единицей считалось не село, а волость, т. е. округъ въ которомъ было центральное село и окружавшія его деревни. И въ каждомъ значительномъ имѣніи въ XVI в. было центральное село, состоявшее, впрочемъ, обыкновен-

но изъ весьма ограниченнаго числа дворовъ. Вокругъ села расположены были деревни (иногда до 20), составлявшія каждая особое поселеніе, въ которомъ жилъ одинъ крестьянинъ, а иногда и нѣсколько вмѣстѣ. *Деревня*, составлявшая большею частію отдѣльный жеребій, заключала въ себѣ одинъ, три, рѣдко болѣе 4-хъ дворовъ. Самое слово деревня означало землю, почему и употреблялось выраженіе „деревни пахати“. Границы такого отдѣльнаго хозяйства опредѣлялись обычаемъ, „посильемъ“ „куда топоръ, коса и соха ходили“. Въ этомъ видѣ оно и переходило изъ рукъ въ руки.

Такое разселеніе очевидно было слѣдствіемъ порядка крестьянскаго пользованія землей. До прикрѣпленія, когда крестьяне, по ихъ собственному выраженію, сдѣлались „безсмѣнными жильцами своей земли“, они селились на извѣстномъ участкѣ только временно и, проживъ недолгое время на одномъ мѣстѣ, отправлялись въ дальнѣйшее путешествіе по Русской землѣ. Тутъ отчасти помогала, можетъ быть, и „огненная“ система хозяйства, о которой мы уже говорили, унаслѣдованная отъ временъ прежнихъ и состоявшая въ поднятіи нови на нѣсколько лѣтъ. Много значила тутъ конечно и привычка къ передвиженію—тоже наслѣдіе древнихъ временъ. Какъ бы то ни было, картина сельскаго хозяйства и въ XV—XVI вѣкѣ представляетъ постоянное движеніе. Это служило причиной плохой обработки земли и затѣмъ бѣдности крестьянина. Это же вело къ важнымъ затрудненіямъ для власти правительственной, особенно при сборѣ податей, вело къ постояннымъ жалобамъ общинъ на обѣдненіе отъ ухода тяглецовъ и просьбамъ о сбавкѣ податей и т. п. Въ виду этого, еще во времена удѣловъ, являются стремленія противо-

дѣйствовать этимъ бродячимъ наклонностямъ крестьянина. Запретить переходъ, дѣйствовать прямыми мѣрами князья тогда еще не могли, какъ мы уже говорили. Такая мѣра могла быть только дѣйствіемъ государственной власти, а государство еще не возникало. Въ ходъ пускаются мѣры косвенныя. Жалованныя свои грамоты монастырямъ и служилымъ людямъ князья давали напр. съ разными ограниченіями, чтобъ преградить притокъ крестьянства на привиллегированныя земли. Они включали сюда иногда условіе не принимать *тутошнихъ* и волостныхъ людей слѣд. съ ограниченіемъ перезыва извѣстной мѣстностью. Переманиваніе крестьянъ такимъ образомъ затруднилось, такъ какъ изъ отдаленныхъ волостей труднѣе и дороже было перевозить, случаи перехода вслѣдствіе этого сокращались.

Съ образованіемъ московскаго государства исчезли разумѣется эти ограниченія перехода крестьянъ изъ одного княжества въ другое, но взамѣнъ того явились другаго рода ограниченія, имѣвшія уже не мѣстное только и случайное значеніе и приложеніе, но общее. Прежде всего является опредѣленіе срока перехода, въ который можно было переходить съ одного мѣста на другое. Судебникъ 1497 г. такимъ срокомъ дѣлаетъ Юрьевъ день осенній, какъ самый удобный по времени для разсчетовъ, такъ, можетъ быть, и самый употребительный. Во времена судебниковъ видно вообще уже стремленіе законодательства установить между землевладѣльцами и крестьянами болѣе правильныя и прочныя отношенія и положить нѣкоторый предѣлъ безпрерывному кочеванію крестьянъ. Съ $^1/_2$ XV в. встрѣчаются уже примѣры временнаго укрѣпленія *тяглыхъ* крестьянъ въ той или другой мѣстности для лучшаго исправленія княжеской службы. Въ этихъ частныхъ и произвольныхъ ограниченіяхъ перехода высказываются

уже зачатки тѣхъ государственныхъ преобразованій, которыя въ XVI в. повели къ полному поземельному прикрѣпленію крестьянства. Въ такомъ видѣ является предъ нами положеніе крестьянства начиная отъ XIV в. и до XVI. Повидимому его положеніе по закону не могло рѣзко расходиться съ его экономическимъ состояніемъ. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ.

VII.

Писцовыя книги XVI в. въ разныхъ мѣстахъ указываютъ огромныя пространства пустующей земли и не отъ обычныхъ *переходовъ*. Рядомъ съ тѣмъ встрѣчаются извѣстія: а крестьянинъ *сбѣжалъ*, сбрелъ неизвѣстно куда, а крестьянинъ померъ съ голода, — въ общей совокупности довольно характеристически выражающія положеніе крестьянства въ данное время. Запустѣніе земель вслѣдствіе бѣгства крестьянъ и дурное ихъ положеніе древніе памятники иногда приписываютъ голоду, повальнымъ болѣзнямъ, войнѣ, дурному хозяйству землевладѣльцевъ, тяжести податей и повинностей. Первыя причины существовали и прежде — это общій удѣлъ крестьянина и въ Кіевской и въ Московской Руси. На послѣдней же (и отчасти предпослѣдней) необходимо остановиться. Намъ придется здѣсь говорить не о дани только и доходахъ, которые получали съ крестьянъ князья-вотчинники, о податяхъ и повинностяхъ государственныхъ, но и о „кормленіи“ въ области суда, о цѣломъ рядѣ поборовъ съ крестьянства, къ которымъ въ сущности сводилась вся система хозяйства тогдашнихъ бояръ-вотчинниковъ и особенно помѣщиковъ, которымъ къ концу описываемаго

нами времени роздано было огромное количество черной, государственной земли. Придется говорить о томъ, что, усиливая постепенно бѣдность крестьянина, заставило его обращаться для покрытія дефицита въ своемъ хозяйствѣ все чаще и чаще къ ссудамъ и къ концу описываемаго періода поставило свободнаго крестьянина почти въ положеніе кабальнаго холопа, привязаннаго къ лицу своего господина.

„Отступилися есми В. князя земли, а своего владѣнія... „А не изнемогли есмы В. князя службы служить и дани давати и всякихъ разрубовъ земскихъ“ говорятъ крестьяне. Отъ какихъ бы причинъ ни зависѣло это „неможеніе“, несомнѣнно, что дань и тягло государственное не легки были для крестьянина. Общины постоянно жалуются, что „платить подати нечѣмъ и люди *разбѣжались*“. А между тѣмъ государственная власть развивается и крѣпнетъ, требованія ея чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе возрастаютъ, уклоняться отъ платежа какимъ нибудь образомъ становится труднѣе, а подати увеличиваются особенно въ XVI в. при умноженіи государственныхъ потребностей. Разнообразіе и множество ихъ часто производило даже страшную путаницу и недоумѣнія при раскладкѣ ихъ общиной. Хотя главная тяжесть падала на крестьянъ, селившихся на черныхъ земляхъ, но и вотчинные крестьяне не были отъ того избавлены. Недостающее тамъ восполняли поборы землевладѣльца. Забота послѣдняго и состояла единственно въ томъ, чтобы изъ каждаго дѣйствія поселенца извлечь для себя возможно большую пользу. Такъ что если правительство привлекало къ уплатѣ податей и повинностей крестьянъ льготныхъ владѣльческихъ земель, то это составляло для нихъ уже сверхмѣрную тяжесть, отъ которой они по обычаю раз-

бѣгались. Въ 1578 году суздальскій епископъ жалуется, что его крестьянъ притянули къ городу вмѣстѣ съ волостью и оттого имѣніе его запустѣло; въ 4 года изъ него вышло 75 семей и запустѣло 60 вытей.

Кромѣ пошлинъ и повинностей княжихъ, на крестьянахъ того времени лежало еще многое множество разныхъ поборовъ по суду и управленію. Судъ разсматривался тогда не какъ общественное дѣло, и какъ частная собственность, какъ доходная статья, на которую князь имѣлъ право и которую жертвовалъ онъ вѣрнымъ своимъ слугамъ въ *кормленіе*. Администрація тогда существовала не для округа, но округъ для нея... Главной задачей управленія было содержаніе управителя. Судьи-управители, понятно, кормились очень сытно и часто злоупотребляли своимъ правомъ, что доказывается множествомъ жалобъ на этихъ кормленщиковъ. Интересы справедливости предъ интересами пошлины, понятно, стояли для нихъ на второмъ планѣ. Положеніе крестьянъ въ виду этого было не легко.—Иные владѣльцы, особенно монастыри получали „несудимыя грамоты“ и судили сами своихъ крестьянъ. Дѣло отъ того не измѣнялось. Характеръ судопроизводства оставался неизмѣннымъ. Кто бы ни судилъ, все равно, крестьяне платили въѣзжее, праздничное или праздничный кормъ (на Петровъ день, Рождество и др.) осеннее (по сборѣ хлѣба), платили и хлѣбомъ, и деньгами, и работой. Не одни главные судьи требовали корма, затѣмъ же шли и разные недѣльщики, бирючи, доводчики (въ монастырскихъ имѣніяхъ) и т. д. Сюда должно причислить и общую виру за неизвѣстно кѣмъ убитаго,— при чемъ доставалось уже цѣлому округу, а не однимъ только виновнымъ.

Что изъ всего этого выходило, наглядно показывалъ царь Иванъ Грозный въ своей грамотѣ 1555 года. „Намъ отъ крестьянъ челобитья великіе и докуки безпрестанныя... отъ великихъ продажъ намѣстниковъ на посадѣхъ многіе крестьянскіе дворы, а въ уѣздахъ деревни и дворы запустѣли“. Озлобленные вымогательствами крестьяне часто колотили своихъ судей. Споры эти и неурядицы умножились до того, что мы, говоритъ Грозный, „жалѣючи крестьянство отъ тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей отставили“. Польза отъ этой „отставки“ если и получилась, то только временная. Взамѣнъ „судеекъ“ крестьянскихъ скоро опять выступили слуги государевы. Произошла вообще перемѣна лицъ и названій должностей, но прежній обычай кормленія, хотя и отвергнутый закономъ, долго еще не выходилъ изъ моды. И воеводы XVII в. кормятся очень сытно.

Кромѣ судныхъ пошлинъ съ крестьянина шло не малое количество и другаго рода поборовъ, взимавшихся въ пользу вотчинника или предоставлявшихся пятинщикамъ, доводчикамъ и пр. Достаточно упомянуть о разныхъ пеняхъ, какъ напр. сгонномъ съ лошади, забѣжавшей изъ чужой волости, о торговыхъ пошлинахъ—за мѣну лошадьми, продажу быка или коровы, стога сѣна; въ городѣ съ каждаго воза или ладьи требовалась пошлина „денги“. Жениться задумалъ крестьянинъ или выдать дочь замужъ въ другую волость, съ него опять требуютъ „алтыны новоженные“, „выводную куницу“ и т. д.

Каждая вотчина представляла въ то время собою особаго рода маленькое княжество, точно также какъ и княжество было не что иное, какъ большая вотчина. Въ обоихъ господствовали начала частнаго владѣнія. Съ этой

точки зрѣнія все, что составляетъ насущную потребность общества, превращалось тогда въ частную собственность, разсматривалось какъ доходная статья. И всякій вотчинникъ по своему пользовался этимъ правомъ. И князю и владѣльцамъ оттого хорошо было, а крестьянамъ „тяготы великіе“. Всѣмъ этимъ и объясняется та бѣдность крестьянина, которая усилилась особенно въ XVI в. Развивающееся *государство* требовало новыхъ жертвъ со стороны крестьянина, а онъ былъ уже истощенъ и прежними поборами, такъ что новыя не подъ силу явились. Добывать «денги» помимо земледѣлія было трудно, развитіе промысловъ и торговли было незначительное, цѣна на трудъ была очень низка, обработка земли оставалась въ прежнемъ «огненномъ» положеніи, объ улучшеніяхъ въ этомъ отношеніи не заботились ни князья ни владѣльцы, не къ тому было направлены ихъ стремленія; крестьянину, жившему и работавшему „по старинѣ“, стало трудно до послѣдней степени. Онъ долженъ былъ по необходимости стараться увернуться отъ бѣды, покрыть дефицитъ въ своемъ хозяйствѣ цѣной какихъ-бы то ни было сдѣлокъ.

VIII.

Что дѣйствительно тяжело было положеніе крестьянина особенно въ концѣ описываемаго нами времени это ясно и помимо указанныхъ нами явленій. Мы не упоминали въ подробности о разнаго рода оброкахъ и повинностяхъ въ пользу землевладѣльцевъ, которые платили крестьяне. Впрочемъ оброки въ сущности нельзя назвать тяжелыми независимо отъ другихъ поборовъ землевладѣльца. Оброкъ былъ обыкновенно хлѣбный и денежный вмѣстѣ или только денежный. Размѣръ его зависѣлъ отъ условія. Крестьяне

выдавали иногда 5-й, 6-й снопъ изъ урожая, иногда деньги 2—3 руб. съ выти и т. д. Платили и разными сельскими произведеніями масломъ, сыромъ, холстомъ и т. д Что-же касается повинностей въ пользу владѣльца, состоявшихъ въ обработкѣ его земли въ разныхъ работахъ и извозахъ въ его пользу, то они, кажется, не могутъ считаться легкими для крестьянина. Это видно уже изъ самаго количества ихъ. Въ обращики работъ достаточно привести уставную грамоту Константиновскаго монастыря, гдѣ сказано, что крестьяне и дворъ тыпили и хоромы ставили и пашню пахали на монастырь, по наряду (барщиной) убирали хлѣбъ и сѣно, и „на неводъ ходили“ и хлѣбы пекли и пиво варили и ленъ пряли и отправляли другія работы по хозяйству землевладѣльца.

Въ уставныхъ грамотахъ иногда подробно прописывались и порядки, употреблявшіеся при этихъ работахъ. „И прикащика слушати во всемъ, говорится въ заключеніе одной грамоты, и на монастырское дѣло ходить на солнечномъ всходѣ, какъ десятскій вѣсти подастъ. А коли прикащикъ позоветъ на монастырское дѣло *въ честь*, сверхъ урочнаго дѣла и кто придетъ и прикащику кормити тѣхъ людей монастырскимъ хлѣбомъ“.—И въ другой... „а который крестьянинъ ослушается въ каковѣ дѣлѣ и игумену же съ ослушника велѣть прикащику взяти гривну въ монастырскую казну, а ослушника послати на монастырское дѣло“. Не вездѣ, разумѣется, были одинаковы эти работы и повинности. Крестьяне, не бравшіе ссуды, исправляли эти работы вмѣсто оброка денежнаго, какъ полагалось въ нѣкоторыхъ договорахъ. Ссуда увеличивала число и размѣръ этихъ работъ. Но трудно сказать, чтобы много было крестьянъ, болѣе или менѣе зажиточныхъ, ненуждавшихся въ господской ссудѣ и выго-

варивавшихъ себѣ сообразно съ тѣмъ болѣе выгодныя и легкія условія при наймѣ земли. Крестьянинъ по большей части приходилъ на участокъ только съ голой своей силой. Послѣ разныхъ „проторовъ и разметовъ“, послѣ различныхъ поборовъ съ него и разсчетовъ съ землевладѣльцемъ не много могло у него оставаться на обзаведеніе на новомъ мѣстѣ. Онъ по необходимости долженъ былъ обращаться за помощію къ землевладѣльцу, къ какимъ бы послѣдствіямъ ни вело это пособіе. Землевладѣльцы тѣмъ охотнѣе давали ему ссуду, что она привязывала крестьянина къ одному мѣсту гораздо дѣйствительнѣе всѣхъ другихъ средствъ. „Коли серебро заплатилъ, тогды и отказъ“ писалось иногда въ договорахъ. Притомъ ссуда эта простиралась иногда до очень значительной по тому времени суммы—10 рублей, и уплатить ее крестьянину было трудно. Вѣроятно вотчинники даже нарочно давали крестьянамъ такія большія суммы денегъ, чтобы вѣрнѣе удержать ихъ за собою. Ссуда значительно видоизмѣняла крестьянское землевладѣніе и свободное пользованіе землей. Отсюда и явилась барщина, отличная отъ оброка, который крестьянинъ платилъ за пользованіе землей. Здѣсь необходимо должно было произойти столкновеніе между началами личнаго договора, который часто велъ къ закрѣпленію и ограниченію гражданской свободы, съ правами крестьянъ какъ свободныхъ членовъ русскаго общества... Столкновеніе это неизбѣжно должно было рѣшиться не въ пользу послѣднихъ. Благодаря бѣдности крестьянъ, обусловливавшейся совокупностью указанныхъ нами причинъ, заплатить ссуду и особенно большую было для него не только трудно, но и невозможно. И юридически свободный, фактически онъ былъ прикрѣпленъ къ лицу своего господина-кредитора самыми тяжелыми уза-

ми—денежнымъ долгомъ, становился отъ него почти во всецѣлую зависимость. Заимодавецъ-хозяинъ во всякое время могъ притѣснить ослушника-крестьянина, если-бы послѣдній сталъ отказываться отъ исполненія его желаній—не пошелъ бы, напримѣръ, на работу, хотя-бы она была и сверхъ урочнаго дѣла, по зову „въ честь“. Поманивъ крестьянина льготами и ссудой, владѣлецъ пытался укрѣпить крестьянина за собою. Послѣдній становился у него чѣмъ-то въ родѣ кабальнаго холопа или ролейнаго закупа временъ „Р. Правды“. Въ ссудныхъ записяхъ такъ и писалось „жить крестьянину за господиномъ, пашню пахати и всякую черную работу работати“. Крестьянинъ могъ разумѣется перейти къ другому землевладѣльцу, но это значило только мѣнять одну кабалу на другую, такъ сказать крѣпче затягивать узелъ. Онъ по необходимости долженъ былъ брать ссуду бо́льшую прежней, чтобы расплатиться съ прежними долгами и обзавестись какъ слѣдуетъ на новомъ мѣстѣ. Этимъ вѣроятно и объясняется, что ссуды дошли подъ конецъ до такихъ большихъ размѣровъ, на которыя мы уже указывали. Рано или поздно, но очевидно круженіе крестьянина по русской землѣ должно было кончиться. Онъ по необходимости долженъ былъ оставаться на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи лучшихъ временъ и перебиваться изо дня въ день какъ пришлось или прибѣгать къ новому займу—къ серебру издѣльному присоединять еще ростовое, усиливая тѣмъ еще болѣе свою зависимость отъ кредитора. Еще шагъ и *крестьянина ждало холопство*, какъ закупа „Р. Правды“, онъ и теперь былъ уже чѣмъ-то въ родѣ временнаго холопа.

Въ кіевской Руси крестьянинъ спасся отъ перехода въ полусвободное и затѣмъ не свободное состояніе *бѣгствомъ*. Это лѣкарство и теперь иногда употреблялось,

но оно было уже мало дѣйствительно, по крайней мѣрѣ при цѣли крестьянина остаться по прежнему „пашеннымъ человѣкомъ“. Крестьянинъ бѣжалъ часто не имѣя уже въ виду поселиться на житье къ какому-нибудь новому владѣльцу — дѣлался *лихимъ человѣкомъ*, получая свободу отъ всѣхъ обязательствъ съ перспективой голодной смерти, гдѣ-нибудь въ дикомъ лѣсу и при всегдашней опасности впасть въ руки „губнаго“ правосудія съ его пытками.

Были впрочемъ и другія средства. Проживетъ крестьянинъ льготные годы и затѣмъ „живетъ на своемъ селищѣ сильно“, не внимая никакимъ внушеніямъ владѣльца, пока тотъ не обращался къ помощи слугъ государевыхъ и послѣдніе „вышвыривали“ крестьянина въ случаѣ его упорства „съ того мѣста въ тотъ же часъ“. — Но эти и подобныя средства, въ которыхъ профессоръ Бѣляевъ видитъ, между прочимъ, свидѣтельство значительнаго развитія крестьянской самостоятельности хотя бы и въ области злоупотребленій относятся къ категоріи тѣхъ же исключительныхъ случаевъ, какъ и случаи расправы крестьянъ съ своими судьями или поджоговъ селъ помѣщичьихъ.

Это скорѣе можетъ служить доказательствомъ противнаго. Значитъ крестьянинъ не видѣлъ иного средства выпутаться изъ бѣды, какъ путемъ злоупотребленій. Чтобъ яснѣе представить себѣ каково было положеніе *большинства* крестьянства, къ сказанному выше мы прибавимъ еще нѣсколько соображеній. Припомнимъ, что начиная съ XV и особенно въ XVI в. сильно была развита раздача земель въ *помѣстьяхъ* въ пожизненное пользованіе служилому человѣку. Здѣсь, разумѣется, было еще меньше заботы о благосостояніи крестьянъ-земледѣльцевъ, чѣмъ на вотчинныхъ земляхъ. Преданный службѣ, которая

обусловливала самое его помѣстное право, помѣщикъ не имѣлъ возможности извлекать свои доходы или улучшать свое хозяйство посредствомъ личной экономической дѣятельности въ своемъ имѣніи. Какъ временному владѣльцу своего имѣнья ему не было нужды беречь свое достояніе. Извлекать какъ можно больше доходовъ пока можно было ихъ извлекать, а затѣмъ, когда изъ помѣстья нельзя уже было ничего выжать, воспользоваться благопріятной минутой, чтобы увеличить или перемѣнить свой помѣстный окладъ—вотъ его естественная политика. Опять, значитъ, мы встрѣчаемся съ эксплоатаціей не земли, но населенія ея, хотя и на другой манеръ, чѣмъ въ кіевской Руси. Нужно припомнить при этомъ, что въ ввозныхъ грамотахъ не опредѣлялись точно доходы помѣщика: ему дается право на пользованіе силами крестьянъ и на разные поборы, изъ которыхъ только нѣкоторые предусмотрѣны закономъ, а другіе зависѣли отъ самаго владѣльца. Слѣдствія этого понятны. Правда, правительство слѣдило за тѣмъ, чтобы жадность владѣльца и тяжесть поборовъ налагаемыхъ имъ на крестьянъ не разгоняли сихъ послѣднихъ, не превращали населеннаго помѣстья въ ненаселенное; заботилось, чтобы помѣщики не пустошили своихъ имѣній, не переводили крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя и т. д., но часто ли могло оно достигнуть своей цѣли, какъ бы подозрительно ни относилось оно къ каждому дѣйствію помѣщика? Много ограничивать права помѣщика, своего служилаго человѣка, правительство не могло конечно, пустошить помѣстье ему также не могло дозволить, ибо эти помѣстья могли служить наградой за службу другому и по необходимости лавировало между двумя крайностями, стараясь достичь того, чтобъ и помѣщики кормились сытно, да и крестьяне были

цѣлы и какъ всегда бываетъ, полумѣры являлись самымъ плохимъ средствомъ къ предупрежденію злоупотребленій.

Въ дополненіе къ описанію быта крестьянъ въ то время, нужно прибавить еще извѣстія о различныхъ насиліяхъ и притѣсненіяхъ, которыя имъ приходилось терпѣть въ ту пору неустройства и безпорядковъ. Сильные вотчинники притѣсняли слабыхъ; не стѣсняясь, разгоняли и грабили у нихъ крестьянъ или силою поселяли послѣднихъ въ своихъ имѣніяхъ. Гербенштейнъ и описываетъ положеніе крестьянъ какъ самое жалкое, потому что имущество ихъ подвергалось постоянно грабительству воиновъ и служилыхъ людей.

Не мудрено поэтому, что деревни пустѣли и народонаселеніе безпрестанно кочевало съ мѣста на мѣсто, хотя проку и мало было въ этомъ кочеваніи, потому что повсюду было это царство кормленія, повсюду ждали крестьянина тяготы. Блужданія эти только усиливали бѣдность крестьянина. *Временной* охраной отъ нея явилась ссуда (иного средства не было), она за то была, какъ мы видѣли, *долговременнымъ* препятствіемъ къ переходамъ. И несомнѣнно, что къ концу описываемаго нами времени крестьянство цѣлыми массами стало осаживаться въ деревняхъ *богатыхъ* владѣльцевъ, и обладая правомъ перехода по закону, фактически переходитъ въ подневольное состояніе въ зависимость *личную* отъ своего владѣльца, подобно древнимъ закупамъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ *къ землѣ*, повидимому, является достойнымъ завершеніемъ этихъ золъ, отнявъ, наконецъ, у крестьянина и *право* свободы перехода. Чтобъ уяснить дѣйствительное значеніе этого факта, опишемъ хотя кратко самый ходъ поземельнаго прикрѣпленія съ послѣдствіями вытекавшими изъ него.

IX.

Уже въ XV в. мы встрѣчали примѣры временнаго укрѣпленія крестьянъ. Въ XVI в. они значительно умножаются и къ концу этого столѣтія обычнымъ путемъ законодательства московскихъ государей—рядомъ частныхъ наказовъ крестьяне почти повсемѣстно были прикрѣплены къ землѣ, на которой жили.

Въ 1597 году вышелъ и общій указъ, объявившій бѣглыми и подлежащими возвращенію на прежнее мѣсто жительства крестьянъ, вышедшихъ изъ вотчинъ и помѣстьевъ за пять лѣтъ предъ выходомъ указа *). Новый законъ однако не вдругъ установился при нерасположеніи къ нему общества... Новый порядокъ пока нравился только одной казнѣ, которая при немъ находила болѣе средствъ сбирать безнедоимочно подати. Лишеніе свободы перезова крестьянъ особенно непріятно было крупнымъ землевладѣльцамъ, на землю которымъ крестьяне прежде стремились во множествѣ. Впрочемъ, скоро они нашли средство обойти запрещеніе, скрывая бѣглыхъ въ теченіе 5 лѣтъ гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ имѣніяхъ и затѣмъ переводя ихъ уже поближе.

Въ 1601—1602 г. явились новые указы въ облегченіе участи мелкихъ помѣщиковъ, которые не имѣя крестьянъ часто находились въ невозможности отправлять службу

*) Основываясь на 5-лѣтнемъ срокѣ многіе полагаютъ, что въ 1592 г. былъ изданъ тожо общій указъ, не дошедшій только до насъ — какъ будто пятилѣтній срокъ не встрѣчается и послѣ.

государеву. Имъ позволено было по немногу (по 2—3 человѣка), перезывать ихъ по прежде установленнымъ правиламъ (около Юрьева дня). — Изъ 2-го указа видно, какого рода явленіями сопровождалось введеніе новаго закона. Судамъ, тяжбамъ, обидамъ и притѣсненіямъ крестьянъ не было счету. „Выходъ былъ заказанъ, да не совсѣмъ“ сами судьи запутались въ обсужденіи дѣлъ. Въ крестьянской возкѣ „промежъ всѣхъ людей бои и грабежи происходили“. Дѣти боярскіе „крестьянъ грабили и изъ за себя не выпущали“ и т. д. Въ дополненіе къ неурядицамъ явились голодные годы (въ началѣ XVII ст.) и вслѣдъ за ними какъ результатъ тяжелой жизни низшихъ классовъ общества—страшныя смуты самозванщины, грозившія гибелью всему государству. Смуту, начавшуюся аристократическими происками бояръ и продолженную дворянствомъ и средними классами, закончила масса тяглаго люда, поднявшаяся противъ ненавистнаго ей барства, вымѣщавшая на немъ теперь всѣ обиды прошлаго времени.—Смуты не прекратились и послѣ временъ самозванщины, сосредоточиваясь уже главнымъ образомъ на низу общества, въ чемъ нужно видѣть отраженіе тяжелыхъ для послѣдняго порядковъ жизни.

Послѣ смутнаго времени, когда правительство прилагало особенныя заботы о лучшемъ устройствѣ финансовой части въ разстроенномъ государствѣ, прикрѣпленіе идетъ строже. Срокъ давности постепенно расширяется. Наконецъ уложеніе 1649 г. прекращаетъ уже всѣ сроки.— Мѣстное сначала и временное прикрѣпленіе перешло такимъ образомъ во всеобщее и сначала неполное превратилось впослѣдствіи въ полное.

Чтобъ точнѣе уяснить себѣ значеніе прикрѣпленія для крестьянства, нужно прежде всего обратить вниманіе,

что указы о прикрѣпленіи коснулись только тѣхъ крестьянъ, которые сидѣли на *тяглѣ*—тяглецовъ. *Гулящаго* же люда, скрывавшагося за спиной хозяина и связаннаго съ нимъ чисто личными связями родства и наемнаго договора, указы о прикрѣпленіи такимъ образомъ не коснулись. *Прямо* и *непосредственно* на нихъ не распространялось дѣйствіе государева указа, такъ какъ ихъ государство, какъ мы уже говорили, вовсе и не знало. Они никогда не входили въ казенныя смѣты при поземельномъ управленіи. И послѣ указа о прикрѣпленіи они могли переходить сколько угодно съ мѣста на мѣсто. Въ продолженіе почти всего XVII в. государствомъ дается разнымъ лицамъ право перезывать „вольныхъ охочихъ людей“, „которые прибираются въ крестьянство“, „кто захочетъ идти по волѣ, а не съ тягла“ „отъ отцовъ дѣтей, отъ брата—братью, отъ дяди—племянниковъ и подсусѣдниковъ гулящихъ людей“, заселяя ими новыя пустыя мѣста.

Прикрѣплены были такимъ образомъ лишь крестьяне тяглые. И при всѣхъ переходахъ земли изъ рукъ въ руки они всегда уже неизмѣнно должны были оставаться на ней; ни сами они не могли сойти съ нея, ни владѣлецъ не могъ согнать ихъ. Крестьянинъ долженъ былъ жить на землѣ, это сдѣлалось уже такимъ образомъ государственною повинностію какъ для крестьянина, такъ и для господина. Вмѣстѣ съ правомъ на землю послѣдній принималъ на себя и обязанность держать записанныхъ на ней крестьянъ или платить въ противномъ случаѣ и за пустующую землю. Земля, лежащая подъ хозяйствомъ крестьянина, теперь была отрѣзана отъ запашки землевладѣльца и сдѣлалась *крестьянскою землей* и такою съ того времени пишется во всѣхъ росписяхъ и книгахъ. Крестьянинъ, слѣдовательно, какъ бы въ награду за утрату

права свободнаго перехода получилъ неотъемлемое право на тотъ участокъ земли, на которомъ засталъ его указъ о прикрѣпленіи.

Съ другой стороны хотя крестьяне съ прикрѣпленіемъ къ землѣ и сдѣлались какъ бы неотъемлемою принадлежностію послѣдней (такъ что при переходѣ земли въ другія руки, вмѣстѣ съ описаніемъ угодій, переписывались поимянно и всѣ крестьяне), въ тоже время не потеряли свой гражданской личности. Исключая права свободнаго перехода, въ общемъ порядки крестьянской жизни остались неизмѣнными и съ прикрѣпленіемъ. Права же на лицо крестьянина помѣщику не дано было закономъ.

Вслѣдствіе поземельнаго прикрѣпленія крестьяне не становились принадлежностію землевладѣльца уже потому одному, что помѣщикъ самъ не имѣлъ права на ту землю, къ которой они были прикрѣплены. Указъ о прикрѣпленіи *поземельномъ* не установилъ такимъ образомъ крѣпостнаго права, т. е *личной* зависимости крестьянъ отъ помѣщика, какъ полагаютъ иные. Прикрѣпленіе къ землѣ вовсе не означало прикрѣпленія къ лицу помѣщика. Мы не можемъ даже сказать, чтобы указы о прикрѣпленіи ухудшили положеніе крестьянина. Онъ, правда, лишился права свободнаго перехода; но здѣсь нужно принять во вниманіе, что право это подъ конецъ для значительнаго большинства крестьянъ было, какъ мы видѣли, въ сущности правомъ фиктивнымъ. Они не потеряли почти ничего, подвергшись дѣйствію этого указа, потому что имъ нечего было и терять. Они прикрѣплены были не къ землѣ только, но даже къ *лицу* землевладѣльца ссудой, жили притомъ на *чужой* землѣ, съ которой хозяинъ могъ всегда ихъ согнать.

Да и вообще трудно сказать, чѣмъ могъ вольный пе-

реходъ улучшить бытъ крестьянина, спасать его отъ бѣдности. Онъ скорѣе способствовалъ послѣдней. Всюду было худо и при переходѣ крестьянинъ мѣнялъ только одно зло на другое болѣе тяжкое. Въ заботахъ объ улучшеніи своего быта онъ ограничивался только тѣмъ, что переходилъ съ мѣста на мѣсто привлекаемый ссудой и должая все болѣе и болѣе пока не доходилъ до предѣла, за которымъ ему не оставалось иного пути какъ по направленію къ холопству.

Въ сущности его переселенія вовсе не были *переходомъ*; не на свои средства переселялся крестьянинъ на новое мѣсто и обзаводился тамъ, его *перезывали* и *перевозили* владѣльцы земли, съ цѣлію поселить его на своей землѣ, если можно навсегда, извлечь изъ него возможно большую пользу. Роль его такимъ образомъ при этихъ переселеніяхъ въ большинствѣ случаевъ была пассивная— нужда побуждала его покориться перезывамъ помѣщиковъ, мѣнять одну зависимость на другую, въ мнимой надеждѣ улучшить свое положеніе.

X.

Проф. Бѣляевъ говоритъ, что нужда въ рабочихъ рукахъ не дозволяла землевладѣльцамъ сильно эксплуатировать крестьянъ, а скорѣе дорожить ими. Конечно, взаимная конкурренція должна была ослаблять силу эксплуатаціи, но тоже вѣдь было и прежде. Самое худшее, что можно сказать про этотъ аргументъ, это то, что онъ приложимъ ко всѣмъ временамъ (какъ дѣйствительно и дѣлаетъ пр. Бѣляевъ) и слѣд. вліяніе этого факта безразлично въ существѣ дѣла. Положеніе крестьянина ухудшалось, или улучшалось не отъ него. И нельзя притомъ полагать, чтобы во время удѣловъ менѣе чувствовалась эта нужда, чѣмъ въ XVI—XVII ст.—скорѣе наоборотъ. Крестьянинъ и теперь не лишенъ былъ права выбора между конкуррировавшими между собой землевладѣльцами, только едвали не приходилось ему выбирать какъ говорится—лучшее изъ худшаго.

Жалобы мелкихъ помѣщиковъ въ концѣ XVI—вѣка указываютъ, куда потянулись крестьяне съ своимъ правомъ выбора, кто возъимѣлъ силу надъ ними—они шли туда, гдѣ имъ больше могли дать денегъ въ долгъ, гдѣ ихъ существованіе могло быть болѣе обезпечено, хотя бы и съ нѣкоторой потерей самостоятельности, — къ крупнымъ, богатымъ землевладѣльцамъ. Независимо отъ послѣдствій этого движенія крестьянъ для нихъ самихъ (о чемъ мы уже говорили)—это было непріятно и казнѣ, такъ какъ грозило исчезновеніемъ изъ смѣтъ ея главной

массы тяглаго люда. На земляхъ крупныхъ и богатыхъ, привиллегированныхъ землевладѣльцевъ, крестьяне вообще платили меньше податей въ казну, чѣмъ на черной или государственной.—Съ другой стороны отъ прикрѣпленія крестьянина къ *лицу* землевладѣльца—кредитора происходило еще болѣе зла и затрудненій дѣлъ государства особенно при сборѣ податей. Властные надъ своими крестьянами—должниками помѣщики нерѣдко изобрѣтали разнаго рода уловки, чтобы скрыть отъ казны какъ можно болѣе тяглыхъ крестьянъ и обратить платимыя ими подати въ свою пользу. При составленіи писцовыхъ книгъ они прятали крестьянъ въ лѣсахъ, сбивали нѣсколько семей въ одинъ дворъ, заколотивъ другіе и т. д. Въ XV еще вѣкѣ подобный обманъ обнаружился на многихъ земляхъ по всѣмъ Новгородскимъ пятинамъ.

Наконецъ крупные землевладѣльцы—капиталисты постоянно переманивали ихъ и силой уводили крестьянъ съ земель мелкихъ помѣщиковъ. И безъ того небогатые помѣщики еще болѣе бѣдняки и не могли уже какъ слѣдуетъ „служить службу государеву“—новое зло для государства, сильно иногда дававшее себя чувствовать при походахъ на непріятеля.

Вольный переходъ, такимъ образомъ, не принося почти пользы крестьянамъ, послѣ долгаго блужданія по государству становившимся въ полузависимыя отношенія отъ помѣщика, грозилъ въ тоже время бѣдою государству и приносилъ пользу лишь крупнымъ землевладѣльцамъ.

При тогдашнихъ порядкахъ правительству ничего болѣе и не оставалось дѣлать, какъ только уничтожить его. Этимъ оно принесло пользу и себѣ и крестьянамъ. Оно естественно—пріостановило превращеніе крестьянина въ человѣка, становившагося *лично* прикрѣпленнымъ къ зем-

левладѣльцу. Поземельное прикрѣпленіе явилось мѣрой противъ личнаго прикрѣпленія. — Во времена Русской правды крестьянина отъ обращенія въ холопи спасло *бытство*, здѣсь—явленіе совершенно противоположное.

Прикрѣпленіе поземельное помѣшало личному прикрѣпленію, но не на долго. Помѣщики все-таки добились своего. И въ этомъ ненамѣренно, быть можетъ, помогло имъ само правительство. Оно теперь, правда, было противъ личнаго прикрѣпленія крестьянъ и поставило ему препятствія въ поземельномъ прикрѣпленіи—но потому, что это было противно его интересамъ; оно охраняло личность крестьянина настолько, насколько это соприкасалось съ ними. Холопство крестьянина наносило ущербъ казнѣ и правительство было противъ его. Но преслѣдуя свои казенные интересы, правительство мало по малу упустило изъ виду мысль, вызвавшую указъ о поземельномъ прикрѣпленіи. Помѣщики между тѣмъ привыкли смотрѣть на крестьянъ, какъ на *своихъ* людей. Крестьянинъ теперь былъ уже безсмѣннымъ, а не вольнымъ, какъ прежде работникомъ на *ихъ* землѣ. И несомнѣнно, что помѣщики, рабовладѣльческіе инстинкты которыхъ, воспитанные вѣками, были не слабѣе, чѣмъ и въ прежнее время, стремились сравнять крестьянъ съ своими крѣпостными пашенными людьми — такъ называемыми *задворными* и *дѣловыми*. Крестьяне отличались отъ нихъ тѣмъ, что имѣли *государственное значеніе*, какъ плательщики податей, вслѣдствіе чего законъ и охранялъ ихъ личность отъ покушеній помѣщика. Это однако не означало, что интересы казны и помѣщиковъ были непримиримы. Между ними нашлись точки соприкосновенія при взаимныхъ уступкахъ. Помѣщики не стали покушаться лишить крестьянина государственнаго значенія — обра-

щеніемъ его въ холопа-неплательщика. Этому сильно противилось правительство. Они явились даже охранителями казенныхъ интересовъ, помощниками правительству при сборѣ податей. Правительство съ своей стороны поступилось въ ихъ пользу своими заботами объ охраненіи личности крестьянина отъ притязаній помѣщика или, лучше сказать, перестало обращать на это вниманіе съ удовлетвореніемъ интересовъ казны. Обѣ стороны сошлись такимъ образомъ къ обоюдной пользѣ; проигралъ только крестьянинъ. Въ результатѣ явился новый типъ—*холопа-плательщика* податей, къ которому и сталъ принадлежать затѣмъ крестьянинъ.

Не должно поэтому удивляться, что выгодныя для крестьянъ послѣдствія отъ поземельнаго прикрѣпленія стали мало по малу уничтожаться путемъ частныхъ злоупотребленій и уступокъ имъ со стороны законодательства, что въ концѣ царствованія Алексѣя Михаиловича начинается передача крестьянъ изъ рукъ въ руки безъ земли и законъ, прежде осуждавшій это, теперь смотритъ на подобныя явленія снисходительно. Тоже можно видѣть и въ указахъ Петра Великаго о подушной подати, сравнявшихъ крестьянъ съ холопами. Петръ заботился главнымъ образомъ о лучшемъ развитіи финансовыхъ средствъ государства, и по своему достигъ того. Теперь явилось много плательщиковъ. Можно даже сказать, что изъ нитокъ собранныхъ съ міра крестьянскаго и соткана была та одежда, въ которой Россія принята была въ „семью европейскихъ государствъ“. На этомъ Петръ и успокоился, возложивъ отвѣтственность за правильный сборъ податей на помѣщиковъ, съ предоставленіемъ имъ для сего надлежащей власти. Онъ, можетъ быть, своими указами не думалъ вовсе сравнять крестьянъ съ холопами, а скорѣе

поднять послѣднихъ до положенія первыхъ;—мы видимъ, что онъ даже по своему заботится, чтобъ не продавали крестьянъ „какъ скотовъ“, хотя и не запрещаетъ вовсе продажу. Но съ удовлетвореніемъ главной цѣли, о послѣднемъ правительству было уже мало заботы. Практика помѣщиковъ и повернула дѣло въ свою пользу. Является *крѣпостное право*. Для крестьянина настали тяжелыя времена, онъ становился рабомъ, *вещью* помѣщика, пока слово Царя-Освободителя 25 лѣтъ тому назадъ (19 февраля 1861 года) не воззвало его къ новой *свободной* жизни...

Въ своемъ обзорѣ исторіи крестьянъ мы пользовались письменными памятниками исключительно эпохи XI—XVII вѣковъ и останавливаемся на томъ моментѣ, когда въ быту крестьянъ явились порядки, въ общемъ, почти безъ измѣненій, господствовавшіе до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Обзоръ исторіи крестьянъ въ XVIII и XIX вв. составитъ предметъ особаго изслѣдованія.

И. Сиворцовъ.

Извлечено изъ прилож. къ газ. «Еженед. Обозрѣнія» 1886 г.

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 15 февр. 1886 г.

Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°., Невскій пр., 134.